

«О них мы добрую память храним ...»

Война – жесто́че нету слова.

Война – печальней нету слова.

Война – святее нету слова.

В тоске и славе этих лет.

И на устах у нас иного

Еще не может быть и нет...

А. Твардовский

Великая Отечественная война коснулась каждой семьи. Среди членов моей семьи есть ветераны Великой Отечественной Войны.

Мою прабабушку зовут Митрохина Маргарита Михайловна. Она с молодости пошла на фронт, она была медсестрой на поле боя, а потом работала в госпитале. Моя прабабушка недавно умерла, но мы храним о ней добрую память, ухаживаем за могилой. Мой прадедушка Митрохин Григорий Николаевич – герой Великой Отечественной Войны, у него много наград, медалей. Мой прадедушка часто рассказывает нам о том, как он воевал на фронте и сражался с врагами. Прадедушка служил в батальоне связи. Григорий Николаевич участвовал в освобождении Белоруссии, сражался на Курской дуге, Восточно-Прусской битве. После победы мой прадедушка работал учителем в школе, заведующим Райно Каргапольского района. Я горжусь тем, что у нас в семье есть ветераны той далёкой войны.

*Знур, Александр
Максим*

Когда склонилась надо мною
Справедля моего сестра—
Боль сразу стала не такою:
Не так сильна, не так остра.

«Женщина на войне. Это словосочетание не-
предельно резок слух. Что ни говорите, а война—
дело сугубо мужское, слагавшееся с кровью и насили-
ем. Но без женщины на минувшей войне не смогли
обойтись. Самистария, телефонистки, прачки, регу-
лярницы—они стойко вероискали все тяготы,
воими руками руками помогали приближать
звонкий час Победы. И среди них—наша землячка
Маргарита Михайловна Митрохина».

Трудно было женщине на фронте. И вдвойне
т того, что куда не укроешься от любопытных
взз, не помрешь толком, не сострижешь, бель-
шко. И плавать, нельзя—засмеют. Расслабиться
оплеванной санструкторша могла только в тря-
щеме по ухабам грузовике, везущем в эвакуаци-
онные перевалочные его раненых бойцов. Под
ум мотора и реведа, омытая счастливой вла-
дой озлабшуя душу, так и не призывшую к ранен-
ым и смертам однополчан.

Это в книгах некоторых писателей уж чересчур
магическована жизнь санитарок—с неизменными
исключеньями, офицерской любовью. В жизни
было намного прозаичнее. Во время бес при-
влекло на себе вытаскивать тяжелых раненых.
в окопной жизни, стыдно признаться, главной
зачей санструктора была—борьба со вшило-
ю. Ежедневно осматривала выстреленных солдат,
шла горячим утюгом паразитов в выстиранных
заках, обтаивала «бомьку» личного состава
вие.

останку Маргарита была махонького—всего
сантиметра. На ее тоненькой фигурке гимнастер-
к выданные мужские галифе болтались как на
эле, солдатский ремень оборачивал ее талию
ти два раза. Солдаты с хохоту покатились,
да она первый раз позволилась в расположении
артиллерийского полка резерва Главного ко-
здания. А потом ничего, привыкла. Заувака-
хотда увидела эту «ангальду» в деле, прозвали
треникой. А ложиком, суровый на вид старик-
кредит ее ласковым словом «дочка» и помогал
легким фронтовым будням: подкармливал, ста-
я получить следы, возил с собой ее казенный
бин, из которого она так и не постреляла. Не
рельсы было, Главное, чтоб ни одного ранено-

то не осталось на поле боя.

Характером Маргарита была бойкая, из породы
помаков. В школе и педике пытае тивула комсомоль-
скую работу. И на фронте все годы была комсоргом
дивизиона. Так и ползала за ранеными, забросив
две сумки за спину. Одну—с медикаментами, вто-
рую—с комсомольскими документами.

—Вы едете на фронт не только спасать раненых,
но и организуете грубое мужское общество, —
такими словами интуитивная спрашивающаяся на
фронт медсестер, законничих Чарьякульскую
школу младших командиров, ее начальница. Слова
эти навеяно засели в голову уральской девушки.

Саму ирину она была строгого, не прощала рас-
пущенности, лжи, трусости. В своем полку объ-
вила что ич на есть настоящую чужью материни-
никам. Еще скрела сердце прощала солдатам бес-
сознательную ругань при перевязках, злобный мат
идущих в атаку. Но если слышала похабную ругань
в акрной обстановке злуодина из себя. Долго ст-
дила и упрекала одного лейтенанта-матерщинника,
пока на комсомольском собрании не добралась его
исключочья из комсомола.

На всю жизнь запомнилась Маргарите Курская
битва. Ее полк 152-миллиметровых гаубиц бросили
на штурм города Севска. Не успели отстреляться,
как небо закрыл туман желтых урюжельх бомбар-
дировщиков. Неожиданно в изскоро вырытых окопчи-
ках, солдаты вздрагивали от близкой разрывов фу-
гасов, сами вытвевались от смертельного
слиста падающих с неба бомб. Многие мужики пос-
ле той бомбежки встали в строй с прямыми седых
волос. А ей, худенькой пицнице, разлежаться в
окопчике особо некогда было: в перерывах между
наваляющимися волнами смертоносных самоле-
тов умудрялась порезывать раненых однополчан.

Днем вывезти раненых не было никакой возмож-
ности: по любой движущейся цели летели немецкие
мины и снаряды, потреливали снаряды. Дожда-
лись темноты, поругали полеченных бойцов в по-
путорку. Маргарита посекла сдавать их в полевой го-
спиталь деревни Пирювки. Из операционной, размес-
тившейся в брезентовой галатке, вышел военный
хирург:—руки по локоть в крови.

—Если найдете место в Дюмах, выгрузайте своих
раненых,—сказал ей.

Следующие полчаса показались медсестре хож-
девиком по кругу ада. В танку бы небу их згла-
дывала, возле пареда лежачих аволаку, на солеме
стонущих от пулевых ран лехотандей, обгоревших
до неузнаваемости танкиста, исполосованных мино-
мак артиллеристов. Как-как пристроила своих и по-
чала обратно, размазывая кулаками горячие и злые
слезы.

Эти 30 дней Курской битвы остались в ее памяти
непрерывным марш-бросками. Гаубичные батареи
скрытно выезжали на позиции, давали залп по вой-

Митрохина Маргарита Анне

скам противника-скоплениям танков, складам, за-
мандным пунктам немцев, к немедленно убираться
с этого места, по которому тут же началась бит-
вражеская артиллерия или на которое накатывали
волны фашистских бомбовозов. А еще через
умелые руки за эти дни прошли десятки раненых
однополчан. Она не только перевязывала и доста-
вляла их в санбат, но и ласково утешала, вселяла веру
в лавших духом.

Что помогло ей выжить на той кровопролитной
войне? Конечно, переность, Родине и ненависть к вра-
гу. А еще—любовь к тому единственному—ее оди-
класснику Григорию Митрохиному, кто назвал ее свое-
жейкой перед отправкой на фронт. Это светлое чувство,
но, «что движет солнце и светилал», согрело и
в суровое лютелье. С нетерпением ждала весточки
от любимого, воевавшего, судя по номеру полеско-
почты, где-то рядом. Лишь после зомни сугрут
Митрохины узнали, что части их находились непо-
что рядом, что оба они прошли сквозь Курскую
чупель Курской дуги...

Внуки Митрохина Григорий Александрович и
Матвей Александрович с Верагой Павлой

МИТРОХИНА П

Митрохина И. И. работала
в школе - учительнице гимназии
и в войска ГСС